



Behind the Net

STEPHANIE ARCHER

В одно касание

СТЕФАНИ АРЧЕР


INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
А88

Stephanie Archer

BEHIND THE NET

Behind the Net © 2023 by Stephanie Archer

Публикуется с разрешения автора и её литературных
агентов — Triada US Literary Agency, США, при участии
Игоря Корженевского из Агентства
Александра Корженевского, Россия

Дизайн обложки Chloe Quinn/@_quinnasaurus
Публикуется с разрешения Chloe Friedlein через Агентство
Александра Корженевского (Россия)

Фото автора © Photo credit Dina Rohira

Перевод с английского *Таисии Масленниковой*

Арчер, Стефани.

А88 Водно касание / Стефани Арчер; [перевод с английского
Т. Масленниковой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-193208-4

Джейми Штрайхер сварливый, но при этом очень горячий хоккеист НХЛ. А мне очень нужно получить должность его ассистентки, ведь это отлично поспособствует моей карьере.

Вот только я забыла упомянуть, что была влюблена в него в старшей школе. У Джейми по-прежнему огромное самомнение: он даже не узнал меня при первой встрече! Но ради такой работы я готова поддерживать профессиональные отношения, даже если Джейми Штрайхер потребует, чтобы я переехала к нему.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-193208-4

© Масленникова Т., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Посвящается Брайану, Аланне, Хелен и Антее.
Когда я побеждаю – они хлопают громче всех.*

ГЛАВА 1

ДЖЕЙМИ

ЛЕВЫЙ НАПАДАЮЩИЙ приближается к воротам и целится в меня шайбой. Она с глухим стуком ложится в перчатку, и кровь закипает от азарта и восторга.

— Непробиваемый Штрайхер! — выкрикивает пролетающий мимо запыхавшийся новичок. Я киваю и швыряю шайбу на лед. В Нью-Йорке фанаты приветствовали меня так во время матчей. Когда в прошлом году я получил «Везину»¹ как лучший вратарь НХЛ², в поздравительной речи тоже вспомнили эту фразу.

Рядом со скамейкой толпятся тренеры — наблюдают, делают заметки, обсуждают нашу игру. Мимо пролетает шайба, и внутри все напрягается. Главный тренер на секунду останавливает на мне взгляд, но его лицо мало что выражает.

Две недели назад я в качестве свободного агента подписал контракт с «Vancouver Storm», сознательно занизив свою стоимость. После панической атаки из-за аварии мама продолжает уверять, что все нормально, но я знаю: если она что-то от меня скрывает, дела плохи. Теперь, когда команда

¹ «Везина Трофи» — награда, ежегодно вручаемая вратарю Национальной хоккейной лиги, сыгравшему в регулярном чемпионате не менее 25 матчей и продемонстрировавшему лучшую игру среди всех конкурентов.

² Национальная хоккейная лига — профессиональная спортивная организация, объединяющая хоккейные клубы США и Канады.

купила меня по выгодной цене, я превратился в инвестицию. Они могут продать меня подороже, и у меня даже не будет права голоса. Я как дом, на который только что заключили сделку, и, если руководство решит подыскать что-то получше, со мной легко расстанутся.

На меня накатывает тревога. Моя мать боролась с депрессией и страхом много лет — с тех пор как отец погиб в аварии, сев пьяным за руль. Тогда я был еще ребенком и довольно долго ничего не замечал, но за это время ситуация сильно ухудшилась.

Уезжать из Ванкувера не вариант, и я не собираюсь бросать любимый спорт, так что этот сезон нужно провести достойно. Я должен играть на пределе возможностей и сохранить свой топовый статус, чтобы меня не продали. В этом году мне нужно собраться.

Игроки нарезают круги, продолжая тренировку, и я припоминаю все, что знаю о них по предыдущим играм. В прошлом я играл против «Vancouver Storm», и я узнаю их лица, но не знаю этих ребят так, как свою старую команду. Я играл за Нью-Йорк семь лет, с тех пор как мне исполнилось девятнадцать. Мне незнаком этот тренерский состав, и со времен юношеской сборной я не чувствую себя в Ванкувере как дома. Но именно в этом городе я должен находиться.

Сердце быстро стучит. Сегодня первый день тренировок, но я еще никогда не испытывал такого давления. Я обязан выложиться на полную.

Звучит свисток, и я подъезжаю к скамейке вместе с остальными игроками.

— Отлично выглядите, парни, — говорит тренер, когда мы собираемся вокруг него.

В конце прошлого сезона, одного из худших в истории «Vancouver Storm», все заголовки запестрели именем Тейта Уорда, который объявил о вступлении в должность главного тренера. Ему нет еще и сорока, и он ненамного старше неко-

торых игроков Ванкувера. В лиге у него начиналась многообещающая карьера нападающего, но ее перечеркнула травма колена. До прошлого года он работал тренером в студенческих командах, и, насколько я понял из хоккейных новостей, сейчас фанаты настроены скептически. Обычно главные тренеры старше и имеют больше опыта на профессиональном уровне.

Уорд смотрит на меня, и у меня под маской сжимается челюсть.

— Нам придется много работать следующие несколько сезонов, — говорит он, окидывая взглядом группу игроков. — В прошлом году мы закончили практически в хвосте.

В воздухе повисает напряжение, все переминаются на коньках и готовятся к разному. В этот момент тренер обычно перечисляет недостатки и слабости игроков. Указывает, где именно команда облажалась в прошлом году. Сейчас он скажет нам, что поражение не вариант.

Как будто я не в курсе.

— Так что теперь — только вперед, — говорит вместо этого Уорд, криво улыбаясь. — Теперь под душ и отдыхайте. Увидимся завтра.

Игроки покидают лед, и я, нахмурившись, стягиваю маску. Уверен, что эта располагающая, душевная манера Уорда испарится сразу с началом сезона через несколько недель, когда давление станет реальным.

— Штрайхер, — окрикивает меня Уорд по пути в раздевалку. Он подходит ко мне, с одобрением глядя на игроков, исчезающих в коридоре. — Как ты устроился?

Я киваю.

— Нормально. — Моя квартира забита коробками, которые у меня нет времени разобрать. — Спасибо, сэр, что договорились по поводу квартиры. И грузчиков.

У меня сводит плечи от напряжения, я приглаживаю волосы. Ненавижу принимать чью-то помощь.

Уорд только отмахивается.

— Это наша работа — помогать игрокам обустроиться. На самом деле довольно многие игроки просят ассистентов. Они могут и вещи разобрать, и за покупками сходить, и машину в сервис отвезти, и собаку выгулять, если надо.

— У меня нет собаки.

Он улыбается.

— Ну ты понял, о чем я. Мы обязаны обеспечивать тебя всем необходимым, чтобы на льду ты мог сосредоточиться. Все что угодно, просто дай знать.

Мне не нужна помощь, чтобы сосредоточиться на льду. Моя жизнь сейчас ограничена ровно двумя интересами — хоккеем и мамой.

— Можете не сомневаться, — говорю я, отчетливо понимая, что ни о чем просить не буду.

Я всегда был из тех, кто сам о себе заботится. И менять это не собираюсь.

Уорд понижает голос.

— Если какая-то помощь требуется твоей матери, ее мы тоже можем предоставить.

Когда я попросил перевестись в Ванкувер, он лично вызвал меня и спросил почему. Я все ему рассказал. Он единственный, кто знает о маме.

Мне сразу становится не по себе: вот почему не стоит открывать свой чертов рот. Люди сразу хотят проявить участие. Все внутри меня бунтует, и я втягиваю голову в плечи.

В этом году график у меня будет изматывающий. Восемьдесят две игры: половина дома, в Ванкувере, половина в гостях, командные и отдельные вратарские тренировки, а еще собственные нагрузки. И, помимо всего прочего, занятия с физиотерапевтом, массаж, встречи со спортивным психологом и личным тренером.

Я чувствую жгучий огонь в груди, какую-то смесь азарта и предвкушения. Я в хоккее с пяти лет и обожаю дух соревнова-

ния. Трудности меня подпитывают. Годы тренировок превратили меня в человека, любящего раздвигать собственные границы и побеждать.

Но этот год? С упрямством моей матери и напряженностью моего графика? Это будет то еще испытание.

Но нет ничего, с чем я не могу справиться, пока сфокусирован.

— У нас все хорошо, — коротко отзываюсь я. — Спасибо.

Нас всегда было двое — я и мама. Я со всем справлюсь. Всегда справлялся.

Приняв душ и переодевшись, выхожу из спорткомплекса, чтобы где-нибудь перекусить, а потом вздремнуть дома, прежде чем вернуться в зал. Я шагаю по дорожке, ведущей из спортивного комплекса на улицу, и вдруг слышу шум, исходящий от помойки.

Из мусорного контейнера торчит коричневый собачий хвост. Когда я прохожу мимо, собака отрывается от мусора, поднимает голову и смотрит на меня. Вся морда у нее в макаронах с сыром.

Собака виляет хвостом, и я отворачиваюсь. Ее темнокarie глубокие глаза светятся дружелюбием. Породу определить трудно. Весит она килограммов шесть. Возможно, помесь лабрадора со спаниелем. Одно ухо короче другого.

Собака делает шаг вперед, я — назад.

— Ни за что, — говорю я ей.

Собака падает на землю, переворачивается, демонстрируя пузо, водит хвостом по тротуару и ждет, что я почешу ей живот.

Где ее хозяин? Я оглядываюсь в переулке, но мы одни. Я морщусь нос, разглядывая ее. Даже не считая макарон, ее морда сальная и грязная. У нее слишком длинная шерсть,

спадающая на глаза, и даже несмотря на то, что ей явно нужна стрижка, я вижу, насколько она худая.

У меня в груди все сжимается, и мне не нравится это чувство.

— Не надо это есть, — киваю я на мусор и хмурюсь. — Тебе станет плохо.

Она высовывает розовый язык, и он повисает набок.

— Иди домой.

Я говорю строго, но она по-прежнему ждет почесывания.

У меня сердце кровью обливается, но я пытаюсь отбросить эмоции. *Нет.* Это не моя проблема. Я не должен отвлекаться. Черт возьми, да у меня даже девушки нет, потому что я по опыту знаю, что люди хотят больше, чем я могу дать.

Но все-таки я не могу оставить ее здесь. Ее может сбить машина или задрать койот. Она может что-то съесть, и ей станет плохо.

Общество охраны животных должно ее принять. Я достаю телефон и, недолго погуглив, нахожу ближайшую точку.

— За спорткомплексом в центре найдена собака, — сообщаю я ответившей мне женщине. В центре Ванкувера только один спорткомплекс, так что она поймет, о чем я. На том конце провода слышен собачий лай. — Может ее кто-нибудь забрать?

Женщина смеется.

— Милый, у нас вообще людей нет. Тебе придется ее подбросить до одного из наших приютов.

Она перечисляет места, где принимают собак, и вешает трубку. Все ближайшие приюты заполнены, и мне придется пару часов возить ее за город, чтобы отдать. Я пялюсь на телефон, недовольно выгнув бровь, а потом снова смотрю на собаку.

Она вскакивает на ноги, все еще глядя мне в глаза и виляя хвостом. Она как будто думает, что я ее чем-нибудь угощу. У меня тянет в груди, и это раздражает.

— Что? — спрашиваю я собаку, и она еще сильнее машет хвостом. В моей груди разливается тепло, и я сглатываю комок в горле.

Я просто не могу ее здесь оставить.

Где-то на задворках сознания возмущается моя жесткая, дисциплинированная сторона. А что там с моим безумным распорядком? Я не могу позволить себе чертову собаку. Я не могу себе даже девушку позволить, чтобы сразу все не испортить. Я сто процентов не справлюсь с собакой. Я полсезона буду в разъездах.

Но я не могу оставить ее здесь.

Она снова виляет хвостом и поднимает на меня свои темные глазищи. Я отвезу ее в приют, но к себе не возьму.

Уже вечер, и я сижу в машине напротив приюта, разглядывая маленькое, но опрятное здание. Слышу внутри собачий лай. За зданием видна огороженная лужайка с собачьими игрушками и разными пластиковыми конструкциями, как на детской площадке.

Собака, устроившаяся в пассажирском кресле, с любопытством смотрит в окно. Я опускаю стекло, чтобы она принялась.

Просмотрев в интернете кучу рекламы приютов, я нашел ферму с высокими оценками, которая принимает бродячих псов и находит для них хозяев. Они тщательно подходят к выбору новых владельцев и за животными хорошо ухаживают.

Это лучший приют, который я смог найти. Я три часа потратил, чтобы сюда добраться.

Я окидываю взглядом это место, но мне снова приходится проглотить комок, застрявший в горле. Я представляю, как бросаю ее здесь, и мне на сердце ложится тяжкий груз.

Собака смотрит на меня и тяжело дышит, высунув язык.

— Я не могу тебя оставить, — говорю я ей.

Она встает и пытается забраться мне на колени, и я вздыхаю. Она не оставляла этих попыток всю дорогу. В итоге она заползает мне на колени и кладет голову на подлокотник.

Черт. Если бы я знал, что будет так сложно, я бы вообще не стал ее забирать.

Ложь. Я бы ни за что не оставил ее в каком-то грязном переулке.

Я перечисляю причины, по которым не могу ее оставить. У меня никогда в жизни не было собаки. Я понятия не имею, как за ними ухаживать. У моей мамы серьезные психологические проблемы, и я нужен ей, признает она это или нет. Я должен сосредоточиться на хоккее. После своей бывшей, Эрин, — а мы расстались, когда мне было девятнадцать, — я не беру на себя никаких обязательств. А эта собака — еще какое обязательство, и мне придется выстраивать свой напряженный график вокруг нее.

Но все же во мне растет сомнение. Я разглядываю здание в поисках изъянов. В саду выросло несколько сорняков. Фасад не помешало бы перекрасить. На лужайке видны ямы, которые, вероятно, вырыли собаки. Я не могу позволить себе собаку, но здесь ее оставить я тоже не могу.

Это место недостаточно хорошо для нее.

Я почесываю переносицу, понимая, что решение уже принято. Черт.

— Эй.

Она вскидывает голову и смотрит сияющими глазами прямо на меня. У меня замирает сердце.

— Хочешь жить со мной? — спрашиваю я, а она не отрывает от меня своего трогательного взгляда. — А. Ты хочешь вкусняшку.

Она разворачивается, прыгивает у меня с колен и усаживается в пассажирском кресле в нетерпении. Я тянусь на заднее сиденье и раскрываю пакет с лакомствами, которые купил

для нее. Я кидаю ей парочку и наблюдаю, как она аппетитно ими хрустит.

Я уже все решил, хотя голос в моей голове подсказывает, что это не лучшая идея. Я смотрю, как собака сворачивается в клубок и засыпает в пассажирском кресле. У меня есть деньги, чтобы на этот год нанять ассистента, так что о собаке позаботятся.

Я прокручиваю контакты в телефоне, пока не нахожу того, кто мне нужен.

— Штрайхер, — отвечает Уорд.

— Привет, — я потираю подбородок, потому что внутри снова копошатся дурные предчувствия. — Я передумал. Мне понадобится ассистент.